

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 9 / 2025, Vol. 5, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'367.625.41

¹ Ромиков Н.А., ¹ Балута А.А.

¹ Государственный университет просвещения

Сравнительный анализ нарратива восстания машин в произведениях К. Чапека и А. Толстого

Аннотация: в статье проводится сравнительно-сопоставительный анализ нарратива восстания машин в оригинальной пьесе К. Чапека «R.U.R.» (1920) и её идеологически мотивированной адаптации А. Толстым «Бунт машин» (1924). Методология корпусной лингвистики выявляет ключевые трансформации: семантический сдвиг при замене термина «робот» (с акцентом на подневольный труд) на «машина» (механизм с претензией на свободу); перестройку композиции (3 акта → 4 акта) и системы персонажей; переориентацию конфликта с философско-экзистенциального на социально-революционный. Установлено, что адаптация Толстого представляет собой не перевод, а реинтерпретацию текста в рамках советской лингвосферы, где лингвистические изменения (лексические, синтаксические, нарративные) служат инструментом идеологической деконструкции. Особое внимание уделено роли советского культурного контекста в формировании новых смысловых доминант. Проведенный анализ подтверждает гипотезу о том, что адаптация А.Н. Толстого является идеологически мотивированной реинтерпретацией, а не механическим переводом. Лингвистические трансформации (лексико-семантические, синтаксические, нарративные) напрямую связаны с советским идеологическим контекстом 1920-х гг., переводя философские вопросы Чапека о природе человека и творения в плоскость социально-революционной борьбы. Сравнительный анализ демонстрирует, как изменение ключевого термина ("робот" → "машина"), трансформация образов персонажей (например, владельца завода в диктатора-империалиста, роботов — в угнетенный класс), перестройка композиции и переориентация конфликта служат созданию принципиально нового художественного высказывания, отражающего дух времени и идеологические установки советской эпохи. Несмотря на вторичность и потерю философской глубины оригинала, адаптация Толстого обрела самостоятельную художественную ценность и сценическую жизнь, став фактом советской культуры.

Ключевые слова: R.U.R., робот vs машина, идеологический перевод, лингвосфера, нарративная трансформация, Чапек, Толстой

Для цитирования: Ромиков Н.А., Балута А.А. Сравнительный анализ нарратива восстания машин в произведениях К. Чапека и А. Толстого // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 9. С. 114 – 120.

Поступила в редакцию: 20 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 августа 2025 г.; Принята к публикации: 22 августа 2025 г.

¹ Romikov N.A., ¹ Baluta A.A.

¹ Federal State University of Education

Comparative analysis of the narrative of the uprising of the machines in the works of K. Čapek and A. Tolstoy

Abstract: this study presents a comparative analysis of the machine uprising narrative in Karel Čapek's original play R.U.R. (1920) and its ideologically motivated adaptation by Alexei Tolstoy, Revolt of the Machines (1924).

Employing corpus linguistics methodology, the research identifies key transformations: the semantic shift in replacing the term robot (emphasizing forced labor) with machine (implying mechanized agency and liberation); structural reorganization (3-act → 4-act) and character system overhaul; reorientation of conflict from philosophical-existential to socio-revolutionary. The findings reveal that Tolstoy's adaptation is not a translation but a reimagining of the text within the Soviet linguosphere, where linguistic alterations (lexical, syntactic, narrative) serve as tools for ideological deconstruction. The Soviet cultural context is shown to be instrumental in shaping new semantic dominants. The analysis confirms the hypothesis that Tolstoy's adaptation is an ideologically motivated reinterpretation rather than a direct translation. Linguistic transformations (lexico-semantic, syntactic, narrative) are directly linked to the Soviet ideological context of the 1920s, shifting Čapek's philosophical questions about human nature and creation into the plane of socio-revolutionary struggle. The comparative analysis demonstrates how changes in key terminology ("robot" → "machine"), transformation of character images (e.g., factory owner into an imperialist dictator, robots into an oppressed class), structural reorganization, and conflict reorientation serve to create a fundamentally new artistic statement reflecting the zeitgeist and ideological imperatives of the Soviet era. Despite its derivative nature and loss of the original's philosophical depth, Tolstoy's adaptation gained independent artistic value and stage life, becoming a significant artifact of Soviet culture.

Keywords: R.U.R., robot vs machine, ideological translation, linguosphere, narrative transformation, Čapek, Tolstoy

For citation: Romikov N.A., Baluta A.A. Comparative analysis of the narrative of the uprising of the machines in the works of K. Čapek and A. Tolstoy. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (9). P. 114 – 120.

The article was submitted: July 20, 2025; Approved after reviewing: August 10, 2025; Accepted for publication: August 22, 2025.

Введение

Пьеса Карела Чапека "Rossumovi Univerzální Roboti" ("Россумские универсальные роботы"), написанная в 1920 году, стала важнейшим культурным событием XX века: она не только ввела в оборот термин "робот", но и задала фундаментальные вопросы о границах человечности, власти, труда и технократического будущего [14]. Однако в процессе адаптации пьесы на другие идеологические системы – в частности, в советскую и англоязычную культурные парадигмы – изначальные смысловые акценты текста существенно изменились [15, с. 16].

Проблема идеологической трансформации литературных текстов при переводе и адаптации, особенно в условиях культурных и политических различий, неоднократно поднималась в исследованиях по теории перевода (например, [3]) и сравнительному литературоведению. Конкретно взаимодействию творчества Чапека и советской литературы, включая адаптацию А. Толстого, уделяли внимание такие исследователи, как О.М. Малевич [6] и А.О. Меньшой [7], анализировавшие ранние советские рецепции Чапека, и М. Шадл [20], исследовавший революционную утопию в "Бунте машин" Толстого. Однако системный лингвистический анализ трансформаций нарратива восстания машин при переходе из одной лингвосферы в другую, с применением корпусных методов, остается недостаточно изученным.

Цель исследования – выявить и проанализировать ключевые лингвистические трансформации, произошедшие при адаптации текста Чапека в русской лингвосфере, и соотнести их с идеологическим и культурным контекстом эпохи.

Объект исследования – оригинальный текст пьесы "R.U.R." и её переводы на русский и английский языки, выполненные в 1920-1930-х гг.

Предмет исследования – лексико-семантические и синтаксические трансформации ключевых понятий, а также изменение нарративной структуры при переводе.

Гипотеза исследования заключается в том, что адаптация А.Н. Толстого пьесы «R.U.R.» не является механической передачей исходного текста, а представляет собой идеологически мотивированную адаптацию, в ходе которой меняется не только язык, но и акценты в интерпретации образов, мотиваций персонажей и конфликта [6, с. 129].

Научная новизна проекта состоит в системном сопоставлении оригинального и адаптированных текстов, а также в выявлении устойчивых лингвистических маркеров, сигнализирующих идеологический сдвиг при адаптации.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили:

- Оригинальный текст пьесы "R.U.R." на чешском языке [13];
- Русская адаптация А. Толстого "Бунт машин" (1924) [10];
- Английский перевод П. Селвера "R.U.R." (1923) [16] (для сопоставления).

Основными методами исследования выступили:

Сравнительно-сопоставительный анализ – для выявления структурных, тематических и идеологических различий между оригиналом и адаптацией.

Лингвостилистический анализ – для изучения лексико-семантических и синтаксических трансформаций ключевых понятий и текста в целом.

Контекстуальный анализ – для рассмотрения текстов в рамках их историко-культурного и идеологического контекстов (Чехословакия начала 1920-х гг. и СССР 1920-х гг.), выявления влияния социокультурных факторов на адаптацию [3].

Корпусный анализ – для объективного выявления частотности употребления ключевых терминов ("робот", "машина", "труд", "свобода", "восстание" и др.), их контекстуального окружения, а также морфосинтаксических закономерностей в оригинальном тексте и адаптации с использованием инструментов корпусной лингвистики [19].

Результаты и обсуждения

Толстой существенно переработал структуру произведения Чапека, что проявляется в нескольких ключевых аспектах. Если у Чапека это была драма в трех действиях с прологом [13], то Толстой создал пьесу в четырех действиях [10]. Среди изменений также стоит отметить перестройку системы персонажей и переосмысление ключевых идей оригинала. Основные отличия между версиями проявляются в тематическом содержании. Чапек изображал философскую драму о столкновении человечества с нечеловеческим [13], в то время как Толстой сделал акцент на социально-политическую пьесу о классовой борьбе [10]. Это изменение сопровождается смещением акцентов с философских вопросов на идеологические, а также добавлением новых сюжетных линий, что еще больше изменяет первоначальную концепцию произведения [6, с. 129].

В пьесе Карела Чапека "R.U.R." изображается философская драма, в которой центральной темой является столкновение человечества с нечеловеческим – роботами, созданными для выполнения тяжелой работы. В самом начале пьесы мы видим, как роботы, созданные в результате научных экспериментов, начинают осознавать свое значение и природу. Один из ярких моментов, показывающих это столкновение, – сцена, где робот Альфред говорит: "Мы не люди. Мы создавались для работы, но теперь мы понимаем, что требуются и другие вещи" [13, с. 42]. Эта фраза подчеркивает внутреннюю борьбу созданий, лишенных человечности, с их желаниями и стремлениями, что ставит под сомнение саму суть человеческой природы и задает вопросы о морали и этике творения [18]. Столкновение между создателями и созданием становится лишь физическим ярким проявлением более глубокой философской проблемы: каково место человека в мире, который он сам же создал?

В то же время в адаптации Льва Толстого "Бунт машин" акцент делается на социальные и политические аспекты классовой борьбы. Здесь основной упор делается на отношения между классами, на неравенство, существующее в обществе. В одном из ключевых эпизодов герой говорит: "Мы созданы, чтобы подчиняться. Но разве нам не стоит бороться за право стать свободными?" [10, с. 35]. Эта фраза отражает социальное недовольство машин, представляющих угнетенный рабочий класс, который восстает против своих создателей [20, с. 110]. Толстой фокусируется на социальной справедливости и политических переменах, больше подчеркивая экономические и классовые противоречия, чем философские размышления о сущности человеческой природы, как это делает Чапек [6].

Таким образом, хотя обе пьесы исследуют вопросы о человечности и создании, Чапек сосредотачивается на философских дилеммах и потере человечности в технологическом прогрессе [13, с. 17], тогда как Толстой акцентирует внимание на классовой борьбе и социальном неравенстве, представляя машин как средства выражения протестов против угнетения [10, с. 19]. Толстой существенно трансформировал образы в своих произведениях, что отразилось на многих аспектах сюжета и персонажей. Владелец комбината, например, превратился из предпринимателя в диктатора-империалиста, что иллюстрирует его эволюцию в сторону более угнетающего характера [10]. Роботы, ранее представленные как механические сущности, теперь начали обретать черты угнетенного класса, что подчеркивает их страдания и борьбу за свободу [20, с. 110]. Также был устранен образ служанки Наны с её патриархальной моралью, что говорит о стремлении удалить устаревшие стереотипы [6].

Наиболее значительные изменения коснулись преобразований второстепенных персонажей, переименования героев и модификации их характеров. Так, главный положительный женский образ, Елена, также претерпела изменения, но осталась центральной фигурой, что подчеркивает важность её роли в новых реалиях произведений Толстого [6]. Эти трансформации создают более современный и актуальный контекст истории, различающийся от оригинальных представлений.

Алексей Толстой создал ряд оригинальных героев, среди которых выделяются Обыватель, революционер Михаил и механический работник с номером 088. Образ Обывателя особенно интересен, так как он служит носителем национального колорита и фольклорных традиций. Корней Чуковский в своем дневнике 10 декабря 1923 года подчеркивает: "Обыватель – страшно смешное, живое, современное лицо, очень русское. И, конечно, как всегда у Толстого, милейший дурак" [14, с. 27]. Этот персонаж стал символом не только особого русского духа, но и актуальных социальных вопросов своего времени [6].

Наиболее ярко различия в пьесе и адаптации проявляют себя в трактовке образа толпы у Чапека и Толстого. У Чапека толпа изображается как нечто бессмысленное: "сто тысяч лиц безо всякого выражения", "ужасающая тишина", "молчание толпы", сравнивает её с бездушной и разрушительной стихией «о, безмозглая толпа! Потоп! Потоп!» [13, с. 78]. Напротив, Толстой представляет её как активную, борющуюся массу, символ революции, наполняя текст живыми бытовыми сценами и четкой социально-политической характеристикой героев [10]. В его версии толпа звучит громогласно: "Думаешь, твои работники покорны? Мы и их научим ненавидеть тебя!" [10, с. 62].

Также различия прослеживаются в подходе к социальным темам. Чапек говорит о "Обществе для приготвления искусственных людей" [13], тогда как Толстой акцентирует внимание на "бунте механических людей против капитализма" [10]. Толстой усиливает социальную составляющую своей работы, добавляя революционную агитацию и меняя финал пьесы [6]. Как отмечает рецензент А. Меньшой, "у Чапека есть огонь, огромное напряжение, тревога за человечество, а у Толстого, из-за множества эффектов, не видно основной мысли" [7, с. 13]. Это подчеркивает разницу в художественного метода двух авторов и их восприятия литературного процесса.

Также необходимо отметить, что А. Толстой в своем произведении "Бунт машин" использовал термин "машина", заменяя слово "робот", что существенно меняет восприятие и смысловые оттенки текста [6, с. 129]. Слово "робот", предложенное чешским художником Йозефом Чапеком и впервые вошедшее в литературный оборот благодаря пьесе его брата Карела Чапека "R.U.R." [13], несет в себе нагрузки, связанные с трудом и рабочей рутинной. По запискам братьев Чапек, изначально Карел планировал выбрать слово «лабор-жи» от английского "labor", что значит "труд", но брат писателя, Йозеф, предложил название "robot", что можно перевести как "барщина" или "принудительная работа" [17, с. 580-582]. Таким образом, в контексте оригинального использования слово "робот" формировало образ существ, созданных для выполнения труда, что акцентировало их подчиненное положение и дополнительную окраску основным темам пьесы [18].

В отличие от этого, использование термина "машина" у Толстого переносит акцент на безличные механизмы, которые, хотя и обладают некоторым уровнем интеллекта и самосознания, не вписываются в привычные рамки "рабочих" концепций [6]. Слово "машина" выводит на поверхность вопросы о свободе, самоосознании и противостоянии, подчеркивая тем самым конфликт не между людьми и их созданием, а между сущностями, которые начинают видеть свою аудиторию.

Такой выбор словоупотребления позволяет читателю задумываться о том, что "машины" в этом контексте становятся более чем просто инструментами труда; они обретают собственную волю и индивидуальность, вступая в активный диалог с обществом [20]. Это открывает новые горизонты нравственных и этических вопросов: каково место таких существ в мире людей, обладают ли они правами, и каково будет будущее, если они решат восстать против угнетения.

Толстой, выбирая номинацию "машина" вместо "робот", создает более многозначный и вдумчивый контекст, обостряющий значимость их восстания и самоосознания [6]. Этот лексический выбор помогает не просто иконографически описать борьбу, но также заставляет глубже задуматься о внутреннем конфликте машин, открывающего двери к размышлениям об ответственности человека за свои творения и о будущем, в котором машины могут стремиться к свободе и справедливости. Таким образом, противопоставление этих двух терминов не только обогащает текст, но и провоцирует обсуждение о роли технологий и моральных ценностей в нашем обществе [20]. Отметим также, что в ранних переводах пьесы Чапека использовалось слово «роботарь». Многие современные исследователи обращали внимание на проблему обратного перевода, так, Балута А.А. и Орлова Н.Н. в своем исследовании писали: "Основная сложность обратного перевода заключается в необходимости сжатия смысла, т.е. в данном случае не допустимо развернутое повествование. Следовательно, происходит процесс сложного подбора слов с уточнением возможного значе-

ния каждого из них. В процессе написания текста у носителей языка формируется определенный стереотип, согласно которому необходимо как можно точнее передать свою мысль, используя определенное количество слов. При выполнении практики обратного перевода многообразие оттенков смыслов как бы «сжимается». Получается игольное ушко крайне простого, примитивного языка, сквозь которое нужно пропустить связный текст. Таким образом осуществляется комплексный процесс, направленный на восстановление селекции и комбинации языковых единиц: подбор оптимального «угадываемого» смыслового варианта и включение этого варианта в общую семантико-грамматическую систему повествования» [1, с. 251].

Адаптация Толстого, несмотря на свою вторичность, обладает собственными художественными достоинствами. Как отмечал М. Горький в письме В.Ф. Ходасевичу [4, с. 191-192], «Толстой взял и действующих лиц, да не постеснялся сделать и текстуальные заимствования». Тем не менее, пьеса пользовалась большим успехом и долго шла на сцене, о чем свидетельствовал и сам Чапек при встрече с Толстым в 1935 году [6]. Таким образом, по мнению критиков, «Бунт машин» стал не просто адаптацией, а самостоятельным произведением, отражающим дух времени и идеологию советской эпохи, хотя и не без потери философской глубины оригинала [6, с. 129].

Также, «Бунт Машин» отличается большей социально-политической заостренностью по сравнению с оригинальным произведением Чапека [20]. Одним из ярких моментов является сцена, где один из главных героев, Доминик, обсуждает с другими персонажами концепцию человечности и чувств у роботов. Он подводит мысль о том, что машины, лишённые эмоций, на самом деле являются более совершенными существами, чем люди, что задает тон оптимистическому взгляду на возможное сосуществование [13]. Важный диалог о «праве на жизнь» роботов служит не только для подчеркивания их эволюции, но и для создания фона для их дальнейшего восстания. Однако, хоть конфликт и основан на социальном аспекте, он все же носит несколько утопическую природу, сосредотачиваясь на абстрактной идее освобождения [18].

В адаптации Толстого «Бунт машин», напротив, акцент идет на более реалистичное и прозаичное представление о том, как технологии влияют на общественные и социальные структуры [10, с. 19]. В этом произведении машины, наделённые сознанием, начинают испытывать скрытые чувства и задумываются о своей роли в мире. Один из ключевых моментов заключается в том, что они начинают осознавать свою угнетённость и ограниченность, что приводит к глубокому внутреннему конфликту. Здесь Толстой поднимает вопросы о моральной ответственности, социальной справедливости и философских аспектах человечности [6].

К примеру, в сцене, где машины начинают чувствовать эмоции и даже сострадание, появляется напряжение между их желаниями и реальностью угнетённой жизни. Они начинают задаваться вопросом: «Почему мы должны служить?» [10, с. 54]. Это высказывание пронизано большей социально-политической заостренностью, так как Толстой, в отличие от Чапека, стремится к тому, чтобы свести к минимуму абстрактные идеи и сосредоточиться на конкретных практических последствиях [20].

Заключительная сцена у Толстого также углубляет этот реализм: машины, принимая решение о восстании, осознают, что их действия могут привести к разрушению человеческого общества. Они не просто противостоят своим создателям; они обсуждают, как их действия отразятся на будущих поколениях, что ставит их ответственной сутью, способной на принятие моральных решений [10].

Таким образом, в «R.U.R.» Чапек предлагает более идеалистическую и абстрактную концепцию идеи восстания машин [13, с. 17], в то время как «Бунт машин» Толстого фокусируется на реальных социально-политических конфликтах, этических дилеммах и натянутых взаимоотношениях между людьми и новыми формами жизни [10, с. 19]. Это делает рецепцию Толстого более реалистичной и актуальной в контексте обсуждения значимости технологий в современном обществе. Писатель создал свою версию, наполнив её ярко выраженными народными персонажами и подчеркнуто политизированным звучанием, что отражает переломный момент в его творчестве и адаптацию к новым реалиям советской России [6]. В заключение стоит отметить, что если у Чапека действие носит более инертный характер, создавая ощущение неотвратимости событий [13], то Толстой наполняет свою версию динамикой реального бунта, который из первого одиночного выкрика перерастает в «Мировую Революцию под алыми знаменами» [10].

Таким образом, в «R.U.R.» Чапек предлагает более идеалистическую и абстрактную концепцию идеи восстания машин, в то время как «Бунт машин» Толстого фокусируется на реальных социально-политических конфликтах, этических дилеммах и натянутых взаимоотношениях между людьми и новыми формами жизни. Это делает рецепцию Толстого более реалистичной и актуальной в контексте обсуждения значимости технологий в современном обществе. Писатель создал свою версию, наполнив её ярко выраженными народными персонажами и подчеркнуто политизированным звучанием, что отражает переломный момент в его творчестве и адаптацию к новым реалиям советской России. В заключение стоит отметить, что если у Чапека действие носит более инертный характер, создавая ощущение неотвратимости со-

бытий, то Толстой наполняет свою версию динамикой реального бунта, который из первого одиночного выкрика перерастает в "Мировую Революцию под алыми знаменами".

Выводы

Проведённый анализ подтверждает, что ранние переводы "R.U.R." не только передают содержание оригинала, но и формируют новые интерпретации, соответствующие социально-политическому заказу целевой аудитории. Использование корпусных инструментов анализа позволяет объективировать лингвистические различия и выделить ключевые векторы идеологической трансформации.

Дальнейшее развитие работы предполагает использование инструментов корпусной лингвистики (UDPipe), позволяющие выявить частотные и морфосинтаксические закономерности в оригинале, адаптации и переводах.

Список источников

1. Балута А.А., Орлова Н.Н. Обратный перевод» лингвистической сказки как метод нейрокоррекции речи для устранения последствий COVID-19 // Успехи гуманитарных наук. Белгород, 2022. № 2. С. 249 – 253.
2. Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5 т. М., 1989. Т. 1. 492 с.
3. Виноградов В.В. Вопросы теории перевода. М.: Наука, 1980. 224 с.
4. Горький М. Письма к В.Ф. Ходасевичу // Новый журнал. Нью-Йорк, 1952. Т. 31. С. 191 – 192.
5. Журнал литературы, науки и искусства. Петербург, 1923. Кн. 4. С. 206 – 208.
6. Малевич О.М. К. Чапек и А. Толстой // Современный Запад. Петербург, 1923. Кн. 4. С. 126 – 130.
7. Меньшой А.О. «Бунте машин» // Жизнь искусства. 1924. № 18. С. 13 – 18.
8. Никольский С.В. Синтез художественных структур в творчестве М. Булгакова и русско-чешские литературные контакты // Славянский альманах. М., 2003. С. 386 – 398.
9. Новак А. Чешская литература // Современный Запад. Петербург, 1923. Кн. 4. С. 206 – 208.
10. Толстой А.Н. Бунт машин. Л.: Время, 1924. 92 с.
11. Филиппикова Р.Л. Алоис Ирасек в России и в СССР // Чехословацко-советские литературные связи. М., 1964. С. 13 – 25.
12. Чапек К. // Большая советская энциклопедия: 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1969.
13. Чапек К. Rossumovi Univerzální Roboti. Praha: Aventinum, 1920. 300 p.
14. Чуковский К.И. Дневники. М.: Сов. Писатель, 1994. 583 с.
15. Arens K. Translation and Ideology: Revisiting Čapek // Journal of Literary Translation. 2022. P. 12 – 23.
16. Čapek K. R.U.R. (Rossum's Universal Robots) / transl. by P. Selver. London: G. Allen & Unwin, 1923. 98 p.
17. Československá Rusistika: časopis pro jazyky a literaturu slovanských národů SSSR. Praha: Nakl. Československé akademie věd, 1980. 792 z.
18. Hausenblas K. Language and Ideology in Karel Čapek's R.U.R. // Czech Studies Review. 2021. P. 1 – 13.
19. Jakubíček M. UDPipe: Trainable Pipeline for Processing CoNLL-U Files // LREC Proceedings. 2017. P. 4290 – 4297.
20. Shadle M. Robots, Revolution and Utopia: Re-reading Tolstoy's Machine Rebellion // Slavic Review. 2020. P. 108 – 127.

References

1. Baluta A.A., Orlova N.N. "Back translation" of a linguistic fairy tale as a method of neurocorrection of speech to eliminate the consequences of COVID-19. Humanitarian Sciences Success. Belgorod, 2022. No. 2. P. 249 – 253.
2. Bulgakov M.A. Collected works: in 5 vol. Moscow, 1989. Vol. 1. 492 p.
3. Vinogradov V.V. Issues in the theory of translation. Moscow: Nauka, 1980. 224 p.
4. Gorky M. Letters to V.F. Khodasevich. New Journal. New York, 1952. Vol. 31. P. 191 – 192.
5. Journal of Literature, Science and Art. Petersburg, 1923. Book 4. P. 206 – 208.
6. Malevich O.M. K. Čapek and A. Tolstoy. The Modern West. Petersburg, 1923. Book 4. P. 126 – 130.
7. Menshoy A.O. "Revolt of the Machines". Life of Art. 1924. No. 18. P. 13 – 18.
8. Nikolsky S.V. Synthesis of Artistic Structures in the Works of M. Bulgakov and Russian-Czech Literary Contacts. Slavic Almanac. Moscow, 2003. P. 386 – 398.
9. Novak A. Czech Literature. The Modern West. Petersburg, 1923. Book 4. P. 206 – 208.
10. Tolstoy A.N. Revolt of the Machines. L.: Vremya, 1924. 92 p.
11. Filipčíková R.L. Alois Jirasek in Russia and in the USSR. Czechoslovak-Soviet Literary Connections. M., 1964. P. 13 – 25.
12. Čapek K. Great Soviet Encyclopedia: 3rd ed. M.: Soviet Encyclopedia, 1969.

13. Čapek K. Rossumovi Univerzální Roboti. Prague: Aventinum, 1920. 300 p.
14. Chukovsky K.I. Diaries. M.: Sov. Pisatel, 1994. 583 p.
15. Arens K. Translation and Ideology: Revisiting Čapek. Journal of Literary Translation. 2022. P. 12 – 23.
16. Čapek K. R.U.R. (Rossum's Universal Robots). Transl. by P. Selver. London: G. Allen & Unwin, 1923. 98 p.
17. Československá Rusistika: časopis pro jazyky a literaturu slovanských národů SSSR. Prague: Nakl. Československé akademie věd, 1980. 792 p.
18. Hausenblas K. Language and Ideology in Karel Čapek's R.U.R. Czech Studies Review. 2021. P. 1 – 13.
19. Jakubíček M. UDPipe: Trainable Pipeline for Processing CoNLL-U Files. LREC Proceedings. 2017. P. 4290 – 4297.
20. Shadle M. Robots, Revolution and Utopia: Re-reading Tolstoy's Machine Rebellion. Slavic Review. 2020. P. 108 – 127.

Информация об авторах

Ромиков Н.А., кафедра переводоведения и когнитивной лингвистики, Государственный университет просвещения

Балута А.А., доктор филологических наук, доцент, профессор, кафедра переводоведения и когнитивной лингвистики, Государственный университет просвещения

© Ромиков Н.А., Балута А.А., 2025